УДК 930.1(100)

ББК Т211(0)

DOI 10.31554/2222-9175-2020-37-84-96

А. М. Дамешек, И. Л. Дамешек

ОБРАЗЫ СИБИРСКИХ ОКРАИН ИМПЕРИИ КАК ПРЕДМЕТ ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XX–XXI вв.

Рассматривается развитие основных концепций зарубежной историографии изучения окраинной политики Российской империи на протяжении XIX–XXI вв., ее особенности для устойчивого развития империи как политической системы. При этом основное внимание уделяется Азиатской России.

Ключевые слова: Россия, империя, окраины, Сибирь, регионализм, политика, зарубежная историография.

L. M. Dameshek, I. L. Dameshek

IMAGES OF THE SIBERIAN EDGE OF THE EMPIRE AS A SUBJECT OF FOREIGN HISTORIOGRAPHY OF THE 20TH – 21ST CENTURIES

This article considers the developing of the basic concepts of foreign historiography in studying the Russian Empire outskirts policy during the 19th – 21st centuries as well as its characteristics for the sustainable development of the empire as a political system. The main attention of the article is paid to Asiatic Russia.

Keywords: Russia, Empire, outskirts, Siberia, regionalism, politics, foreign historiography.

Внутренняя политика Российской империи давно привлекает внимание исследователей. Однако не все аспекты правительственного курса получили равномерное освещение в литературе. Исследования в большинстве своем фокусировались на центре, проблемах и истории государства и власти. Не забывалось, естественно, и общественное движение в различных его проявлениях. Лишь в последнее десятилетие появился цикл исторических исследований, посвященных окраинной политике империи, проблемам взаимодействия и взаимоотношений центра и периферии, русского и других этносов в рамках единого государства и единой политической системы. Между тем на огромных пространствах России, составляющих в начале XX в. около 22 млн кв. верст, нерусское население составляло большинство – около 55 % населения. Инкорпорация этого многоконфессионального, разнотьюжного и разнотьюкового многомиллионного населения в административное, экономическое, социокультурное пространство империи была отнюдь не простой задачей для петербургских властей, которая на окраинах государства

ДАМЕШЕК Лев Михайлович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России исторического факультета государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Иркутский государственный университет» (Иркутск, Россия). E-mail: levdamshchek@gmail.com.

ДАМЕШЕК Ирина Львовна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России исторического факультета государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Иркутский государственный университет» (Иркутск, Россия). E-mail: damshchek@rambler.ru.

значительно осложнялась фактором существования сопредельных, зачастую недружественных государств. Не случайно на территории Российской империи исторически сложились несколько типов управления окраинами. Именно поэтому изучение как частных, так и концептуальных вопросов истории России требует регионального измерения, а исследование внутривосточных сюжетов должно вестись с учетом внешнеполитических факторов, национального и религиозного компонента российской истории. Разумеется, в этом анализе должны быть учтены и результаты работ зарубежной русистики, накопившей солидный массив исследований на тему империи, причем в самых разнообразных ее воплощениях [Fieldhouse 1978, 1981; Darwin 1988; Kennedy 1988; Porter 1989 и др.].

В числе фундаментальных исследований следует отметить монографию английского ученого П. Кеннеди о мировых империях XVI–XX вв., в которой предпринят детальный компаративный анализ великих держав, поочередно выдвигавшихся на первый план истории [Kennedy 1988: 16, 232, 490, 514]. В качестве объекта исследования в работе преобладают военный и экономический аспекты жизнедеятельности крупнейших государств. Триумф одного либо коллапс другого, по мнению П. Кеннеди, являлись следствием более или менее эффективного использования экономических ресурсов в период войн. Мощный прорыв России, как, впрочем, и Британской империи после 1815 г., П. Кеннеди объясняет тем, что обе державы были географически изолированы от других и осуществляли экспансию за пределы Европы. Могущество России автор соотносит с непрерывной экспансией, которая не подавала «ни малейших знаков к намерению остановиться». Индикатором неблагополучия стала Крымская война. Последующее ослабление Российской империи П. Кеннеди усматривает в целом ряде причин, в частности в технологическом и экономическом отставании, но прежде всего – в абсолютизме, монополии ортодоксальной церкви на образование, всемогуществу бюрократии и наличии крепостного права. Однако, по его мнению, в характере и традициях Российского государства не было ничего, позволяющего предположить, что оно когда-либо смогло бы «благосклонно согласиться с закатом империи».

Каждая из великих империй – это целая вселенная со своей системой мироздания и миропорядка, с трудом поддающихся типологизации и разного рода обобщениям. Не случайно сравнительному анализу империи была посвящена одна из конференций, организованная московским отделением института «Открытое общество» (фонд Сороса) совместно с историческим факультетом Центрально-Европейского университета и Институтом всеобщей истории РАН. Это была серьезная попытка обсуждения проблем исторической компаративистики в изучении истории империй. В фокусе докладов и дискуссий конференции находились история Британской, Испанской, Германской, Габсбургской, Российской и Османской империй. На конференции выступали ведущие специалисты по истории этих империй, в частности А. Капеллер, который в своем докладе отметил, что Российская империя складывалась как «составное государство» и в этом смысле она может быть сравнена с другими континентальными империями, которые также отличались существенным разнообразием внутреннего устройства и наличием механизма непрямого управления.

Одним из обсуждаемых на конференции вопросов была экономика империи, прежде всего российской. Ведущим специалистом в этой области является академик Б. В. Ананьич [Власть и реформы 1996; Ананьич, Ганелин, Дубенцов 1984]. Участники конференции обратились к обсуждению экономики империи на примере Османской и Российской империй, представленных в докладах К. Чичека, Б. В. Ананьича и его ученицы Е. Правиловой [Чичек 2004; Ананьич, Правилова 2003]. Подводя итоги дискуссии по этим двум докладам, А. Б. Каменский указал на сходное положение Османской и Российской империй в их относительно малой доходности

имперской экономики и подчиненности обслуживанию государственных приоритетов (управленческой машины, завоевательных и оборонительных войн). Вместе с тем А. Б. Каменский отметил существенные различия в эволюции экономического устройства Российской и Османской империй: Российская империя пошла путем централизации экономического управления (в т. ч. государственного поддержания экономики) и использования европейских идей для обеспечения экономического роста, в то время как экономика Османской империи оказалась в большей степени децентрализована и подвержена экономической эксплуатации со стороны западных держав. Вновь вопрос об экономическом развитии империй европейской периферии был поставлен в зависимость от политического развития этих империй, в частности от их способности модернизироваться и отстаивать собственную независимость от влияния экономически более развитых западных держав.

Собственный доклад А. Б. Каменский посвятил иному аспекту имперской проблематики – управленческому [2003].

Доклады В. Кантора и А. Давидсона показали, что изучение империи как исторического феномена все еще сопровождается проекциями на этот феномен идеологических дискуссий, в рамках которых не существует возможности выделить историческую семантику имперского опыта и понять археологию империи за пределами доминантного национального дискурса [Кантор].

Каждая империя имеет ряд системных признаков. Прежде всего это сакральный характер власти, постоянное территориальное расширение (экспансия), наличие центра и периферии, окраин, провинций либо метрополии и колоний, полиэтничность и существование титульной нации, которая зачастую в численном отношении уступает всем остальным. Одним из важных атрибутов империи является общая идеология.

В России границы центра и периферии всегда были неопределенны и нечетки. Вполне дискуссионным представляется вопрос о том, что следовало считать центром: Петербург с окрестностями, европейскую часть страны или ареал расселения русского этноса? Например, в Америке понятие центра практически отсутствовало. Отвоеванное у природы и индейского населения пространство сразу становилось однородным, организованным «по горизонтали». Это обстоятельство представляло собой главное отличие колониционных процессов США и России.

Между тем процесс расширения российской государственности шел перманентно на протяжении столетий. В мировой практике не существует аналогов, и эта геополитическая характеристика, пожалуй, есть самая уникальная особенность России. Поглощение новых территорий, населенных различными этносами, сопровождалось последовательным политико-административным их освоением. Постепенно складывалась централизованная империя, подчинявшая сопредельные земли строго иерархично, от микроцентров власти к ее макроцентру. В итоге Россия эволюционировала в централизованное государство со строго вертикальной иерархией подчинения. Пресс государства давил одинаково на всех. Оно традиционно выступало как носитель наиболее универсальной системы, объединяющей многообразие социальных и культурных структур.

Значительный интерес представляет взгляд западных историков на имперскую сущность России. Заметим, что имперский аспект российской и советской истории долгое время не получал должного внимания в западной русистике. Изучение российской и советской истории развивалось на Западе под влиянием идеологического спора между левыми и консерваторами, поддерживавшими, соответственно, «модернизационную» и «тоталитарную» парадигмы. Другой причиной игнорирования имперской компоненты в истории Российской империи и Советского Союза было господство аналитического дискурса национального государства. Решающий поворот к понима-

нию российской и советской истории через призму империи произошел во многом под влиянием распада многонационального федеративного советского государства.

Тем не менее исследования отдельных сюжетов истории империи начались задолго до становления «имперской» парадигмы в качестве самостоятельной объяснительной модели. Исследователи, придерживающиеся «тоталитарной парадигмы», обнаружили большую склонность к включению проблемы империи в список исследовательских вопросов. Примером может служить монография Р. Пайпса «The Formation of the Soviet Union» (Cambridge (Mass), 1964). Однако имперская компонента российской и советской истории в его понимании сводилась к констатации факта многонационального состава российского и советского государства, исследованию репрессивной политики имперского (отождествленного с русским) центра по отношению к нерусским национальностям и окраинным регионам и факту внешней экспансии. Взгляд на национальную политику имперского центра был производным от общей оценки российского государства как репрессивного политического режима.

По-прежнему наиболее заметной среди новейших исследований представляется монография немецкого историка А. Каппелера, получившая высокую оценку специалистов [2000]. В центре внимания исследователя – процесс становления России как многонациональной империи на протяжении 400 лет (включая и эпоху СССР). Отказавшись от характерного для большинства историков «русоцентрического» подхода, А. Каппелер сумел объективно проанализировать характер и формы участия многих народов в возведении здания российской государственности. Он проследил эволюцию национальной политики от ее первых шагов до разработки специальных концепций, ложившихся в основу имперского курса на разных этапах истории страны. Россия, утверждает А. Каппелер, была не национальным государством русских, а «династически-сословно легитимизированным государством», в объединявшей его имперской идее преобладали все же наднациональные черты, несмотря на очевидное родство ее структурообразующих компонентов с русским национальным сознанием.

Любая империя сильна своими государственными институтами, в конечном счете, своим бюрократическим аппаратом. Направление так называемой «институциональной» истории было весьма популярно в американской русистике 70-х гг. прошлого века. Что представляла собой российская административная система, как она функционировала и, главным образом, как она сумела обеспечить столь длительное и устойчивое сохранение самодержавного режима – таковы основные вопросы в исследованиях западных историков.

Первое исследование в этом направлении было предпринято в 1973 г. Джорджем Йени [Yaney 1973]. Автор вполне успешно справился с поставленной им самим задачей – «дать портрет царской администрации» во временном промежутке двух веков. Основываясь на историко-социологическом подходе, автор выстраивает концепцию «систематизации» управления. Центральное место здесь он отводит понятию «легально-административной системы». Однако в России процесс формирования подобной системы был фактически невозможен вследствие иных, нежели в Западной Европе, представлений русских о праве и его функциях в обществе.

Заметим, что, несмотря на широко распространенное в западной русистике мнение о серьезных недостатках российской административной системы, ряд исследований показал, что этот тезис не всегда представляется справедливым. В качестве примера следует привести книгу Ричарда Роббинса [Robbins 1987], подробно исследующую институт губернаторов. Автор рассматривает и определяет специфику функционирования данного института, взаимоотношения его представителей с чиновниками центральной и местной администрации. Отличительной чертой

работы являются «портреты» 53 императорских наместников, приведенные им на фоне широкого исторического контекста. Автор отмечает, что и на рубеже XIX–XX вв. губернаторы сохранили статус «царских наместников». Новаторским подходом является представление о России как о полирегиональном государстве, признание разнообразия его территорий. Однако при этом автор сконцентрировал свое внимание на изучении лишь имперского центра, без учета многонационального характера государства [Robbins 1987: 13, 17–19].

Следует отметить, что достаточно длительное время имперский аспект истории России находился вне поля внимания западных историков. В данном случае они следовали традициям дореволюционной отечественной историографии, в которой подобные вопросы (по понятным причинам) не исследовались. Между тем полного игнорирования этого вопроса не происходило. В частности, известный специалист в русской истории М. Раев одну из своих работ посвятил именно модели имперской политики России [Raef 1971: 22–44]. Автор предельно четко сумел выделить основные ее составляющие (этапы): завоевание (присоединение), инкорпорацию (территории и населяющих ее народов) и, наконец, ассимиляцию. В числе важнейших составляющих имперской экспансии М. Раев называет территориальное, политическое, социально-экономическое и культурное измерение. Мы полностью разделяем мнение М. Раева о том, что российская окраинная политика во многом была зависима от того, каким образом и когда происходило присоединение конкретных территорий, а также от того, какие народы эти территории населяли. Модели имперской политики в отношении коренных народов Сибири и в отношении западных (более развитых) окраин существенно различались.

Одним из важных элементов, обеспечивающих эффективную инкорпорацию новых территорий в единое имперское пространство, выступало вовлечение местных элит в систему управления. Культурная и социальная русификация предоставляла дополнительные возможности для карьеры. Между тем, отмечает М. Раев, для российской национальной политики было характерно игнорирование особенностей национального сознания присоединенных народов, учитывались только юридические формы. Поэтому в течение весьма продолжительного времени проводимая имперскими властями политика русификации и ассимиляции являлась фактически не чем иным, как насаждением единого образа жизни по всей империи. Процесс постепенной социальной русификации присоединенных народов происходил параллельно введению общеимперских институтов, что обеспечивало русификацию административную. С активизацией во второй половине XIX в. национальных движений на окраинах российское правительство перешло к тотальной, фактически насильственной русификации [Ibid.].

Политика русификации в Финляндии в период 1855–1914 гг. исследовалась в сборнике под редакцией Эдварда Тадена [Russification in the Baltic... 1981]. Особенность компоновки статей сборника позволяет рассмотреть политику русификации как с позиции российского правительства, так и со стороны финнов. Проводимая в этот период русификация проводилась, прежде всего, посредством унификации административной, унификации местного законодательства, единой общеимперской системы местного управления, образования и судопроизводства. Между тем активная русификация на западных территориях империи являлась лишь одним из компонентов окраинной политики, основной целью которой было сохранение политической стабильности и порядка. Э. Таден вполне справедливо отмечает, что управление полирегиональной многонациональной империей представляло в высшей степени сложную задачу. При этом он достаточно высоко оценил проводимую в Финляндии политику – как в высшей степени толерантную, позволяющую фин-

нам развиваться в экономическом, социальном и культурном отношении, сохраняя при этом свою национальную идентичность [Russification in the Baltic... 1981].

Таким образом, работы западных историков по проблемам имперского управления и вышедшие в свет в период 70–80-х гг. прошлого столетия были немногочисленны, но в них уже были намечены определенные проблемы, которые начиная с 90-х гг. – распада Советского Союза – получили новое звучание и самое пристальное внимание специалистов.

Коллективная монография «После империи: многонациональное общество и строительство нации» прослеживает процесс распада ряда континентальных империй, в т. ч. Российской [After Empire... 1997]. Авторы стремятся выяснить, является ли упадок империй неизбежным, каково было соотношение властных полномочий между центром и периферией, титульной нацией и национальными меньшинствами, какие механизмы использовала империя для сохранения стабильности в государстве.

Для выяснения специфических особенностей развития Российской империи западные исследователи используют сравнительно-исторический метод. В частности, А. Рибер самое пристальное внимание уделяет фактору исторического времени и географического местоположения, причисляя Россию к числу так называемых «территориально-протяженных» империй, имеющих ряд отличий от западноевропейских империй с заморскими колониями.

Отличительными чертами континентальных империй и прежде всего Российской было наличие однородного в этническом отношении центра и прилегающих к нему многонациональных периферийных территорий. При этом традиционно именно окраинные территории (в российском варианте – населенные народами Кавказа, поляками, финнами и др.) являли собой наиболее нестабильные зоны империи и могли представлять реальную угрозу центру. Именно географическое положение территориальных империй, как пишет А. Рибер, ставило перед ними проблемы интеграции в целях обеспечения безопасности [Rieber 2001]. Рассматривая вопрос о механизме устойчивости империи, А. Рибер выделяет три ее составляющие: имперскую идею, имперскую бюрократию, защиту и интеграцию пограничных зон (периферии). Остановимся на третьем компоненте. Автор создает общую типологию фронтиров евразийских империй, анализирует их общие черты, подчеркивая при этом значение фронтиров в формировании государственных границ и идеологии метрополии. В интерпретации А. Рибера западные границы Российской империи представляли собой западноевропейский тип фронта, а юго-восточные – динамический, поскольку там происходило продвижение оседлого народа на восток, в территории с кочевыми племенами [Он же 2002].

Имперское управление фронтами представляло собой достаточно сложный, многоплановый процесс. Управление пограничными территориями Российской империи имело свои особенности, обусловленные многонациональным составом населения на этих землях. Соответственно, достаточно многоплановой была и стратегия имперского центра по присоединению и дальнейшей инкорпорации окраинных территорий. В XIX–XX вв. усилия правительства были сконцентрированы преимущественно на административной и правовой инкорпорации окраин. Именно поливариативность имперских управленческих моделей в отношении окраинных территорий обуславливала столь длительную жизнеспособность Российской империи [Имперский строй в региональном измерении 1997].

Из зарубежной литературы, в которой рассматривается административная политика России на восточных окраинах империи, следует выделить, прежде всего, широко известные работы М. Раева, известного американского ученого [Raeff 1956, 1969]. Глава VIII «Michael Speransky...» – об «управлении русскими провинциями» – посвящена в основном Сибири, а в следующей IX главе рассматриваются «проек-

ты реформирования провинциальной администрации». Именно эти разделы монографии потребовали от М. Раева дополнительного изучения Сибири, что вылилось в отдельную работу «Сибирь и реформы 1822 г.».

Прежде всего отметим, что оба исследования основаны на солидной источниковой базе. Автор хорошо знаком с российской литературой, свободно ориентируется в ней. Очевидно, это обстоятельство позволило ему с горечью заметить, что «поглощенные драматическими сюжетами революционного и идейного движения, историки перестали серьезно изучать государственно-политическую эволюцию» России XVIII–XIX вв. Именно данный вывод заставил М. Раева поставить вопрос об эволюции системы управления русскими окраинами и России в целом [Raef 1956: 112–125].

Если в начальный период русской Сибири она интересовала правительство прежде всего как источник меха, то к началу XIX в. в связи с изменениями в экономике Сибири становилось совершенно очевидно, что она «может предложить нечто большее, чем некоторое количество дорогих мехов, и что она может стать “большим, чем принудительной резиденцией для преступников и нежелательных лиц”» [Ibid.: 130]. Изменение взглядов на роль Сибири происходило наравне с изменением общегосударственной философии. М. Раев решительно подчеркивает свое несогласие с теми, кто считает, что в «1905 г. самодержавие было тем же самым, что и после Петра Великого в 1725 г.». Идеи М. М. Сперанского, по мнению М. Раева, оказали исключительное влияние на политическую эволюцию России. Не случайно именно ему, «одной из наиболее крупных фигур в истории России XIX века», Александр I поручил на примере Сибири выявить все недостатки и трудности управления отдаленными регионами [Он же 1969: 243].

Основную причину ревизии М. Раев видит в упадке платежеспособности Сибири, прежде всего в сокращении ясачных поступлений пушнины. «До тех пор, пока местные правители ухитрялись доставлять пушнину в должном количестве, центральная власть оставляла их в покое», – отмечает он [Ibid.: 265].

Однако «отсутствие четких инструкций и правил деятельности» превратило сибирских губернаторов в «подлинных сатрапов». Отдаленность окраины от центра, отсутствие надзора и контроля, «ясно очерченных законов, норм и установленных гарантий» оставляли губернаторам «полную свободу действий». Итоги преобразовательной деятельности М. М. Сперанского в Сибири М. Раев оценивает очень высоко. О значении «Сибирского учреждения» американский историк говорит следующее: «Реформированная система управления, которая была введена в 1822 г., оставалась без серьезных перемен – базисом политической, социальной и экономической жизни Сибири вплоть до конца режима империи в 1917» [Ibid.: 273]. С этим утверждением М. Раева трудно не согласиться.

В монографии, принадлежащей перу Д. Стефана, вышедшей в Калифорнии в 1994 г., в комплексе рассматриваются основные вопросы истории Дальнего Востока от появления там первых русских землепроходцев до наших дней [Stephan 1994]. Тем не менее в первых двух главах автор высказал некоторые суждения по интересующим нас вопросам.

Д. Стефан отметил, что по мере расширения территории русского государства, вхождения в его состав новых окраинных земель перед московским правительством встала задача организации системы управления и административного устройства на новых территориях. Уже с самого начала «Москва пыталась усилить контроль в Сибири» путем деления этой территории на маленькие остроги, сменой воевод и насаждением бюрократического принципа соподчиненности местных администраторов. Не имея перед собой задачи специального изучения истории административного устройства на востоке России, Д. Стефан тем не менее подмечает, что

И. Б. Пестель находился на посту генерал-губернатора более 10 лет и, проводя большую часть этого времени в Петербурге, оставил по себе недобрую память. М. М. Сперанский же «в течение короткого периода» управления Сибирью» «представил рациональные идеи просвещения в сибирскую администрацию» [Stephan 1994: 253–257]. Цель этих «рациональных» идей Д. Стефан видит в четкой регламентации прав и обязанностей представителей местной администрации, в разделении функций и полномочий различных ветвей и ступеней властных органов.

В середине XIX в., отмечает далее Д. Стефан, русские продвинулись на Дальний Восток. Любопытно замечание американского исследователя, что это произошло «больше просвещением, чем силой». Успеху преобразовательных планов Н. Н. Муравьева в немалой степени, как отмечает Д. Стефан, способствовало обострение международной обстановки в этом регионе, в частности опиумная война, которая заставила правительство предпринять ряд энергичных мер по закреплению этой окраинной территории в составе России.

Деятельность Н. Н. Муравьева, как обоснованно отмечает американский исследователь, вызвала неоднозначную оценку современников. Так, декабрист Д. Завалишин обвинял генерал-губернатора в присвоении его «амурской идеи», а А. П. Щапов, будучи в ссылке, доносил Александру II, что Н. Н. Муравьев «мнит себя сибирским царем». Эти нападки, по мнению Д. Стефана, в немалой степени послужили причиной отставки Муравьева, когда «озлобленный генерал-губернатор добровольно ушел со своего поста в 1861 г., затем уехал в Париж, где и умер в 1881 г.» [Ibid.: 378–379].

Одной из характерных черт Российской империи было восприятие своих окраин как неотъемлемой части унитарного государства. Для решения специфических управленческих проблем на этих территориях был создан институт наместников или генерал-губернаторов. Одной из важнейших их функций было обеспечение интеграции территории в общеимперский административный и хозяйственный механизм. С. Беккер выделяет основные причины создания подобных институтов на имперских окраинах: 1) уважение «иных» политических институтов и законов окраины (Финляндия, Польша); 2) поддержание внутренней и внешней безопасности (Польша, Кавказ); 3) необходимость контроля в недостаточно колонизированном крае с малым населением (Сибирь, Амур); 4) необходимость делегирования местным администраторам в отдаленных территориях особых полномочий для обеспечения эффективности управления (Сибирь, Амур) [Becker 2000: 329–342].

Институт генерал-губернаторов стал предметом исследования американского историка Джона ЛеДонна [LeDonne 1999, 2000a, b]. Автор прослеживает изменения, происходившие в системе генерал-губернаторской власти конца XVIII – начала XIX в. По словам ЛеДонна, если при Екатерине II генерал-губернаторы являлись гражданскими представителями Сената, то при Павле I, активно проводившем политику централизации, генерал-губернаторы были сохранены только в приграничных областях. Дальнейшее развитие институт генерал-губернаторов получил во времена императора Александра I. Это в значительной степени способствовало усилению самодержавной власти на периферии империи. В своей первой статье автор через призму семейных и служебных связей правящей элиты проводил анализ карьеры 33 российских генерал-губернаторов, служивших на западных окраинах страны. ЛеДонн отмечает, что, несмотря на то что генерал-губернаторы традиционно назначались императором, существовало негласное правило о том, что эти назначения должны были удовлетворять основным кланам. Таковыми в России были семейство Салтыковых и Нарышкиных-Трубецких. Свою третью статью автор посвятил генерал-губернаторам восточных окраин, особое внимание уделив деятельности М. М. Сперанского и реформе 1822 г.

Автор отмечает, что генерал-губернаторы на востоке страны подолгу оставались на своих постах. Анализ семейных связей 14 генерал-губернаторов восточной окраины показал, что трое из них косвенно были связаны с Салтыковыми, а девять – с Нарышкиными-Трубецкими [LeDonne 1999, 2000a, b].

В своем исследовании ЛеДонн приходит к выводу, что генерал-губернаторы были не столько администраторами, занимающими определенное место в бюрократической иерархии с соответствующими правами и обязанностями, сколько членами правящей элиты, чья карьера определялась политикой столицы и борьбой кланов за преобладание при дворе. Генерал-губернаторы являлись, прежде всего, посредниками между центром и периферией, а также между разными этническими группами в периферийных регионах. В то же время автор, восстанавливая справедливость, отмечает, что некоторые генерал-губернаторы были значительно больше, чем посредники – они выступали как проконсулы, со своими программами. Ермолов, Воронцов, Сперанский внесли существенный вклад в освоение окраин и их инкорпорацию в империю [Ibid.].

Одной из составляющих вопроса окраинной политики империи выступает проблема выработки правительственного курса по отношению к коренным народам присоединенных территорий. Современная западная историография национальной политики имперской России отмечает ее непоследовательность и противоречивость. В российской империи не существовало официальной юридической дефиниции национальности, а характерный ей консерватизм в сочетании с объективными трудностями не позволял России проводить активную национальную политику [Barrett 1999; Smith 1999].

В целом все политические меры российского правительства были подчинены главной идее – поддержанию безопасности, а соответственно, и устойчивости империи. Об этом в своих исследованиях пишет Теодор Уикс [Weeks 1996, 2001]. Автор отмечает, что национальная политика являлась проявлением насущных сиюминутных нужд по обеспечению этой самой безопасности. Между тем именно развитие национализма, по мнению Т. Уикса, явилось одним из дестабилизирующих факторов, приведших в итоге к коллапсу империи. Стабильность империи могла быть обеспечена в условиях целостной системы администрации. Между тем усиление национальных чувств коренных народов окраин на рубеже XIX–XX вв. привело к оппозиции и отторжению ряда административных установлений Петербурга, прежде всего таких как введение единого для империи государственного русского языка. Проблема осознания современниками этнического многообразия империи и меры по ассимиляции нерусских народов рассматриваются в монографии Р. Джераси. Исследуя многообразие типов культурной интеграции, автор использует широкий спектр терминов – «христианизация», «обрусение», «слияние» и пр. [Geraci 2001: 9].

Среди последних публикаций по рассматриваемой проблеме несомненно заслуживает внимания статья профессора Токийского университета К. Мацузато [2018], посвященная анализу административной комбинации Н. Н. Муравьева-Амурского на Дальнем Востоке и реализации этих планов в конце XIX в. путем образования Приамурского генерал-губернаторства в 1884 г. Исследование основывается на комплексной методике, объединяющей геополитический, социально-управленческий и ментально-географический подходы. Сам факт распространения генерал-губернаторской власти на новые территории государства автор рассматривает под углом деконцентрации императорской власти с целью интеграции разнородных территорий и оперативного управления удаленными окраинами государства. По мнению автора, это была харизматическая, «сверхзаконная власть» [Там же: 74], значение которой повышалось в условиях отсутствия развитой транспортной системы и коммуникаций. Соглашаясь с данным постулатом автора, нельзя не отметить, что и во второй половине XIX сто-

летия Россия оставалась абсолютной монархией, в которой верховная исполнительная и законодательная власть всецело и нераздельно принадлежала царю. Последний лишь «транслировал» определенную часть полномочий генерал-губернаторам, как «главным блюстителям неприкосновенности верховных прав самодержавия и пользы государства». Это был своего рода «карт-бланш» от имперского центра, содержание и длительность которого определялись императором.

Вопросы управления в дореволюционной России традиционно находились в поле зрения западных русистов. Однако они фокусировали свое внимание на административной компоненте, изучении институтов власти и бюрократии, их взаимоотношениях. Изменения, происшедшие в мире в конце 90-х гг. прошлого столетия, повлекли за собой повышение интереса специалистов именно к имперской сущности России. Исследователи обратили свои взгляды на многонациональный и полирегиональный характер Российского государства. В работах последних 15 лет акценты смещаются от центра к периферии, а проблемы управления империей рассматриваются через историю народов, населявших окраины и подвергшихся активной интеграции в единое имперское административное пространство. Работы последних лет свободны от идеологических штампов, что способствует активному международному сотрудничеству историков в рамках совместных проектов. Положительно оценивая разнообразие моделей имперского центра по управлению окраинными регионами, многие современные исследователи именно в регионализме видят причину устойчивости империи в прошлом и залог процветания России в будущем.

Таким образом, представителями отечественной и зарубежной историографии достигнуты определенные успехи в изучении имперской окраинной политики в отдельных регионах страны. Однако исследовательский интерес традиционно концентрируется либо на анализе нормативной базы, на основе которой осуществлялась управленческая политика на периферии, либо на изучении национальной политики в полирегиональном и многонациональном государстве. Обобщающие монографии, посвященные имперской политике на окраинах страны, в конечном итоге представляют систематизацию уже известного материала, который нуждается в существенном дополнении новыми источниками. Одной из слабых сторон подобных изданий является их очерковый характер. В дополнительной разработке нуждается вопрос об определении места окраинной политики в имперских мероприятиях самодержавия и ее вариантах. Фактическое отсутствие компаративных исследований крайне затрудняет выяснение общих принципов и факторов, оказывавших на окраинную политику определяющее влияние. Одним из важных вопросов, который фактически не затрагивался исследователями, является определение соотношения имперских принципов и регионализма в имперской политике по отношению к своим окраинам.

Литература

Ананьич Б. В. Кризис самодержавия в России, 1895–1917 / Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин, Б. Б. Дубенцов и др. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1984. – 664 с.

Ананьич Б. Имперский фактор в экономическом развитии России. 1700–1914 [Электронный ресурс] / Б. Ананьич, Е. Правилова // Материалы международной конференции «История империй: сравнительные методы в изучении и преподавании» (г. Москва, 7–9 июня 2003 г.). – Режим доступа: www.empires.ru.

Власть и реформы. От самодержавия к советской России / В. М. Панях, Е. В. Анисимов, А. Н. Цамутали и др.; редкол.: Б. В. Ананьич (отв. ред.) и др.; РАН, Ин-т рос. истории, С.-Петерб. фил. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. – 800 с.

Давидсон А. Историк в постимперском пространстве [Электронный ресурс] / А. Давидсон // Материалы международной конференции «История империй: сравнительные методы в изучении и преподавании» (г. Москва, 7–9 июня 2003 г.). – Режим доступа: www.empires.ru.

Имперский строй в региональном измерении (XIX – начало XX века): сб. науч. ст. / отв. ред. П. И. Савельев; Моск. обществ. науч. фонд. – М.: Первый печатный двор, 1997. – 237 с.

Каменский А. Б. Элиты Российской империи и механизмы административного управления [Электронный ресурс] / А. Б. Каменский // Материалы международной конференции «История империй: сравнительные методы в изучении и преподавании (г. Москва, 7–9 июня 2003 г.). – Режим доступа: www.empires.ru.

Кантор В. От русской империи к националистической деспотии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.empires.ru.

Каппелер А. «Россия – многонациональная империя»: некоторые размышления восемь лет спустя после публикации книги / А. Каппелер // *Ab Imperio*. – 2000. – № 1. – С. 15–32.

Мацузато К. Генерал-губернаторства азиатской России: геополитика и территориальное управление / К. Мацузато // *Личность, общество и власть в истории России: сб. науч. ст., посвящ. 70-летию д-ра ист. наук, проф. В. И. Шишкина*. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2018. – С. 74–103.

Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – 542 с.

Чичек К. Экономика Османской империи в период ее превращения в периферию Запада. 1700–1914 / К. Чичек // *Российская империя в сравнительной перспективе: сб. ст.* – М.: Новое издательство, 2004.

After empire: Multi-ethnic societies and nation-building: The Soviet Union and the Russian, Ottoman, and Habsburg empires / ed. by K. Barkey, M. von Hagen. – Boulder, 1997 (VII). – 200 p.

Barrett T. At the edge of empire: The Terek Cossacks and the North Caucasus frontier, 1700–1860 / T. Barrett. – Boulder, 1999 (XV). – 243 p.

Becker S. Russia and the concept of empire / S. Becker // *Ab imperio*. – Казань, 2000. – № 3/4.

Darwin J. Britain and decolonisation: the retreat from empire in the post-war world / J. Darwin. – Houndmills, Basingstoke: Macmillan, 1988.

Fieldhouse D. K. Unilever overseas: the anatomy of a multinational. 1895–1965 / D. K. Fieldhouse. – London: Croom Helm; Stanford, Calif.: Hoover Institution Press, 1978. – 620 p.

Fieldhouse D. K. Colonialism. 1870–1945 / D. K. Fieldhouse. – London: Weidenfeld and Nicolson, 1981. – 151 p.

Hobsbawm E. J. The age of empire, 1875–1914 / E. J. Hobsbawm. – London: Weidenfeld and Nicolson, 1987. – 404 p.

Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000 / P. Kennedy. – New York: Vintage Books, 1987. – 677 p.

Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers / P. Kennedy. – London: Unwin Hyman; Berkeley: University of California Press, 1988.

LeDonne J. Frontier governor general: 1772–1825. I. Western frontier / J. LeDonne // *Jahrbuch für Geschichte Osteuropas*. – Wiesbaden, 1999. – Bd. 47. H. I. – P. 56–88.

LeDonne J. Frontier governor general: 1772–1825. II. The Southern frontier / J. LeDonne // *Jahrbuch für Geschichte Osteuropas*. – Wiesbaden, 2000a. – Bd. 48. H. 2. – P. 161–183.

LeDonne J. Frontier governor general: 1772–1825. III. The Eastern frontier / J. LeDonne // *Jahrbuch für Geschichte Osteuropas*. – Wiesbaden, 2000b. – Bd. 48. H. 3. – P. 321–340.

Porter A. N. British imperial policy and decolonization. 1938–1964. Vol. 2. 1951–1964 / A. N. Porter. – Basingstoke: Macmillan Press, 1989. – 601 p.

Raëff M. Siberia and reforms of 1822 / M. Raëff. – Seattle: University of Washington press, 1956. – 210 p.; Leiden: Martinus Nijhoff, 1957.

Raëff M. Michael Speransky. Statesman of Imperial Russia, 1772–1839 / M. Raëff. – Leiden: Martinus Nijhoff: The Hague, 1969. – 394 p.

Raëff M. Patterns of Russian imperial policy toward the nationalities / M. Raëff // *Soviet nationality problems* / ed. by E. Allworth. – N. Y., 1971. – P. 22–42.

Rieber A. From reform to empire: Russia's «new» political history / A. Rieber // *Kritika*. – 2001. – Vol. 2. – No. 2. – P. 261–268.

Rieber A. Approaches to empire / A. Rieber // От мира империи к глобализации. – Саратов, 2002. – С. 117–138.

Robbins R. G., jr. The Tsar's Viceroys: Russian Provincial Governors in the Last Years of the Empire. Ithaca. – N. Y: Cornell University Press, 1987 (XIV). – 271 p.

Geraci Robert P. Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia / Robert P. Geraci. – Ithaca and London: Cornell University Press, 2001 (xi + 389 p.).

Russification in the Baltic provinces and Finland, 1855–1914 / ed. by E. C. Thaden. – Princeton, 1981 (XIII). – 497 p.

Smith J. Beyond the limits: The concept of space in Russian history and culture / J. Smith. – Helsinki, 1999. – 276 p.

Stephan J. The Russian Far East: a history / J. Stephan. – Stanford: Stanford University Press, 1994. – 481 p.

The theory of capitalist imperialism (Problems and perspectives in history). – London [б/и], 1974.

Weeks T. Nation and state in late imperial Russia: Nationalism and russification on the Western frontier, 1863–1914 / T. Weeks. – DeKalb, 1996 (XIII). – 297 p.

Weeks T. Russification and the Lithuanians, 1863–1905 / T. Weeks // Slavic rev. – 2001. – Vol. 60. – No. 1. – P. 96–114.

Yaney G. L. The systematization of Russian government: Social evolution in the domestic administration of imperial Russia, 1711–1905 / G. L. Yaney. – Urbana: University of Illinois Press, 1973. – 430 p.

References

Anan'ich B. V. Krizis samoderzhaviya v Rossii, 1895–1917 / B. V. Anan'ich, R. Sh. Ganelin, B. B. Dubencov i dr. – L.: Nauka, Leningr. otd-nie, 1984. – 664 s.

Anan'ich B. Imperskiy faktor v ekonomicheskom razvitii Rossii. 1700–1914 [Elektronnyy resurs] / B. Anan'ich, E. Pravilova // Materialy mezhdunarodnoj konferencii «Istoriya imperij: sravnitel'nye metody v izuchenii i prepodavanii» (g. Moskva, 7–9 iyunya 2003 g.). – Rezhim dostupa: www.empires.ru.

Vlast' i reformy. Ot samoderzhaviya k sovetskoj Rossii / V. M. Paneyah, E. V. Anisimov, A. N. Camutali i dr.; redkol.: B. V. Anan'ich (otv. red.) i dr.; RAN, In-t ros. istorii, S.-Peterb. fil. – SPb.: Dmitrij Bulanin, 1996. – 800 s.

Davidson A. Istorik v postimperskom prostranstve [Elektronnyy resurs] / A. Davidson // Materialy mezhdunarodnoj konferencii «Istoriya imperij: sravnitel'nye metody v izuchenii i prepodavanii» (g. Moskva, 7–9 iyunya 2003 g.). – Rezhim dostupa: www.empires.ru.

Imperskiy stroj v regional'nom izmerenii. (XIX – nachalo XX veka): sb. nauch. st. / otv. red. P. I. Savel'ev; Mosk. obshchestv. nauch. fond. – M.: Pervyy pechatnyy dvor, 1997. – 237 s.

Kamenskij A. B. Elity Rossijskoj imperii i mekhanizmy administrativnogo upravleniya [Elektronnyy resurs] / A. B. Kamenskij // Materialy mezhdunarodnoj konferencii «Istoriya imperij: sravnitel'nye metody v izuchenii i prepodavanii» (g. Moskva, 7–9 iyunya 2003 g.). – Rezhim dostupa: www.empires.ru.

Kantor V. Ot russkoj imperii k nacionalisticheskoy despotii [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: www.empires.ru.

Kappeler A. «Rossiya – mnogonacional'naya imperiya»: nekotorye razmyshleniya vosem' let spustya posle publikacii knigi / A. Kappeler // Ab Imperio. – 2000. – № 1. – S. 15–32.

Macuzato K. General-gubernatorstva aziatskoj Rossii: geopolitika i territorial'noe upravlenie / K. Macuzato // Lichnost', obshchestvo i vlast' v istorii Rossii: sb. nauch. st., posvyashch. 70-letiyu d-ra ist. nauk, prof. V. I. Shishkina. – Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2018. – S. 74–103.

Rossijskaya imperiya protiv rossijskogo haosa. K probleme imperskogo soznaniya v Rossii. – M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2008. – 542 s.

Chichek K. Ekonomika Osmanskoj imperii v period ee prevrashcheniya v periferiyu Zapada. 1700–1914 / K. Chichek // Rossijskaya imperiya v sravnitel'noj perspektive: sb. st. – M.: Novoe izdatel'stvo, 2004.

After empire: Multi-ethnic societies and nation-building: The Soviet Union and the Russian, Ottoman, and Habsburg empires / ed. by K. Barkey, M. von Hagen. – Boulder, 1997 (VII). – 200 p.

Barrett T. At the edge of empire: The Terek Cossacks and the North Caucasus frontier, 1700–1860 / T. Barrett. – Boulder, 1999 (XV). – 243 p.

Becker S. Russia and the concept of empire / S. Becker // *Ab imperio*. – Kazan', 2000. – № 3/4.

Darwin J. Britain and decolonisation: the retreat from empire in the post-war world / J. Darwin. – Houndmills, Basingstoke: Macmillan, 1988.

Fieldhouse D. K. Unilever overseas: the anatomy of a multinational. 1895–1965 / D. K. Fieldhouse. – London: Croom Helm; Stanford, Calif.: Hoover Institution Press, 1978. – 620 p.

Fieldhouse D. K. Colonialism. 1870–1945 / D. K. Fieldhouse. – London: Weidenfeld and Nicolson, 1981. – 151 p.

Hobsbawm E. J. The age of empire, 1875–1914 / E. J. Hobsbawm. – London: Weidenfeld and Nicolson, 1987. – 404 p.

Kennedy R. The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000 / R. Kennedy. – New York: Vintage Books, 1987. – 677 p.

Kennedy R. The Rise and Fall of the Great Powers / R. Kennedy. – London: Unwin Hyman; Berkeley: University of California Press, 1988.

LeDonne J. Frontier governor general: 1772–1825. I. Western frontier / J. LeDonne // *Jahrbuch für Geschichte Osteuropas*. – Wiesbaden, 1999. – Bd. 47. H. 1. – R. 56–88.

LeDonne J. Frontier governor general: 1772–1825. II. The Southern frontier / J. LeDonne // *Jahrbuch für Geschichte Osteuropas*. – Wiesbaden, 2000a. – Bd. 48. H. 2. – R. 161–183.

LeDonne J. Frontier governor general: 1772–1825. III. The Eastern frontier / J. LeDonne // *Jahrbuch für Geschichte Osteuropas*. – Wiesbaden, 2000b. – Bd. 48. H. 3. – R. 321–340.

Porter A. N. British imperial policy and decolonization. 1938–1964. Vol. 2. 1951–1964 / A. N. Porter. – Basingstoke: Macmillan Press, 1989. – 601 p.

Raëff M. Siberia and reforms of 1822 / M. Raëff. – Seattle: University of Washington press, 1956. – 210 p.; Leiden: Martinus Nijhoff, 1957.

Raëff M. Michael Speransky. Statesman of Imperial Russia, 1772–1839 / M. Raëff. – Leiden: Martinus Nijhoff: The Hague, 1969. – 394 p.

Raëff M. Patterns of Russian imperial policy toward the nationalities / M. Raëff // *Soviet nationality problems* / ed. by E. Allworth. – N. Y., 1971. – P. 22–42.

Rieber A. From reform to empire: Russia's «new» political history / A. Rieber // *Kritika*. – 2001. – Vol. 2. – No. 2. – P. 261–268.

Rieber A. Approaches to empire / A. Rieber // *Ot mira imperii k globalizacii*. – Saratov, 2002. – S. 117–138.

Robbins R. G., jr. The Tsar's Viceroys: Russian Provincial Governors in the Last Years of the Empire. Ithaca. – N. Y: Cornell University Press, 1987 (XIV). – 271 p.

Geraci Robert P. Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia / Robert P. Geraci. – Ithaca and London: Cornell University Press, 2001 (xi + 389 p.).

Russification in the Baltic provinces and Finland, 1855–1914 / ed. by E. C. Thaden. – Princeton, 1981 (XIII). – 497 p.

Smith J. Beyond the limits: The concept of space in Russian history and culture / J. Smith. – Helsinki, 1999. – 276 p.

Stephan J. The Russian Far East: a history / J. Stephan. – Stanford: Stanford University Press, 1994. – 481 p.

The theory of saritalist imperialism (Problems and perspectives in history). – London [b/i], 1974.

Weeks T. Nation and state in late imperial Russia: Nationalism and russification on the Western frontier, 1863–1914 / T. Weeks. – DeKalh, 1996 (XIII). – 297 p.

Weeks T. Russification and the Lithuanians, 1863–1905 / T. Weeks // *Slavic rev.* – 2001. – Vol. 60. – No. 1. – P. 96–114.

Yaney G. L. The systematization of Russian government: Social evolution in the domestic administration of imperial Russia, 1711–1905 / G. L. Yaney. – Urbana: University of Illinois Press, 1973. – 430 p.